

УДК 338.1, 334.021, 308, 316.324.8

JEL:A14, I15, I18, O19, Q58, Z13, Z18

DOI: 10.18184/2079-4665.2021.12.2.160-181

Оригинальная статья

«Новая нормальность» экономики, политики и социума в условиях COVID-19 и после

Андрей Николаевич Курюкин¹

¹ Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

E-mail: kuriukin@inbox.ru

Аннотация

Цель работы заключается в попытке очертить границы и сформулировать характерные черты и признаки «новой нормальности», которая, формируясь уже сегодня, в процессе непрекращающегося развития пандемии коронавируса, будет в перспективе определяющим фактором для дальнейшего экономического, политического и социального развития современной цивилизации.

Метод или методология проведения работы заключается в комплексной исследовательской парадигме, включающей в себя принципы системного, теоретико-познавательного, институционального, инструментального и междисциплинарного подходов, опосредованных принятыми в обществоведении представлениями о соотношении и взаимодействии субъективного и объективного факторов в общественных процессах при относительной самостоятельности субъекта.

Результаты работы. Генеральным направлением развития цивилизации станет сохранение в обозримой перспективе требований социального дистанцирования и ограничения трансграничной мобильности. На передний план в экономике выйдут удаленные формы работы, малоконтактное производство и формирование индустрии 4.0. В социуме встанет необходимость пересмотра современных социальных ценностей, в направлении перехода от степени удовлетворения индивидуальных и личностных потребностей к доступности такового удовлетворения как основной ценности. Центральным вопросом постковидной политики выступит вопрос о том, вызовет ли пандемия к жизни антидемократический откат и эволюционирующую авторитаризацию власти или, напротив, станет толчком для позитивного развития демократии, повышения роли гражданского общества и политической партиципации граждан.

Выводы. В отношении экономики, социума и политики констатируется, что они будут испытывать неслыханные трансформационные нагрузки под воздействием длящегося пандемического кризиса, но, в то же время, окажутся перед выбором – сохранять кризисную стагнацию, надеясь его «просто пережить», или воспринимать кризис как источник новых возможностей для развития и прогресса.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, новая нормальность, экономика, социум, политика, развитие, постпандемическая эпоха

Благодарность. Статья написана в рамках выполнения государственного задания по плановой теме «Россия и мир: взаимодействие внутренних и внешних факторов развития страны и их отражение в массовом сознании».

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Курюкин А. Н. «Новая нормальность» экономики, политики и социума в условиях COVID-19 и после // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2021. Т. 12. № 2. С. 160–181

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.2.160-181>

© Курюкин А. Н., 2021

Original article

"New Normality" of Economics, Politics and Society in the Conditions of COVID-19 and After

Andrey N. Kuriukin¹

¹ Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
24/35, Krzhizhanovskogo st., 24/35, korpus 5, 117218, Moscow

E-mail: kuriukin@inbox.ru

Abstract

Purpose: to try to delineate the boundaries and formulate the characteristic features and signs of a "new normalcy", which, already taking shape today in the course of the ongoing development of the coronavirus pandemic, will in the long term be a determining factor for the further economic, political and social development of modern civilization.

Methods: consists in a complex research paradigm, which includes the principles of systemic, theoretical-cognitive, institutional, instrumental and interdisciplinary approaches, mediated by the accepted in social science ideas about the relationship and interaction of subjective and objective factors in social processes with relative independence of the subject.

Results: the general direction of the development of civilization will be the preservation, in the foreseeable future, of the requirements of social distancing and restrictions on cross-border mobility. Remote forms of work, low-contact manufacturing and the formation of Industry 4.0 will come to the fore in the economy. In society, there will be a need to revise modern social values, in the direction of the transition from the degree of satisfaction of individual and personal needs to the availability of such satisfaction as the main value. The central issue of post-image politics will be the question of whether the pandemic will bring about an anti-democratic rollback and an evolving authoritarianization of power, or, on the contrary, will become an impetus for the positive development of democracy, an increase in the role of civil society and the political participation of citizens.

Conclusions and Relevance: with regard to the economy, society and politics, it is stated that, on the one hand, they will experience unprecedented transformational pressures under the influence of the ongoing pandemic crisis, but at the same time, they will face a choice – to maintain crisis stagnation hoping to "just survive" or perceive the crisis as source of new opportunities for development and progress.

Keywords: COVID-19, pandemic, new normality, economy, socium, policy, development, post pandemic epoch

Acknowledgments. Article is written within performance of the state task on a planned subject "Russia and world: interaction of internal and external factors of development of the country and their reflection in mass consciousness".

Conflict of Interest. The Author declares that there is no Conflict of Interest.

For citation: Kuriukin A. N. "New normality" of economics, politics and society in the conditions of COVID-19 and after. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie)* = *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2021; 12(2):160–181. (In Russ.)

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.2.160-181>

© Kuriukin A. N., 2021

Введение

Сегодня мир продолжает сотрясать пандемия коронавируса. По-прежнему нет четкой уверенности, что эпидемия идет на спад, и мир вскоре постепенно начнет возвращаться к привычному образу жизни. Очевидно, что мировая цивилизация всё ещё находится на развилке сценариев развития.

Один из них – негативный, предполагает ухудшение эпидемиологической ситуации с повышением процента заболевших и умерших, что показала Индия и о чем 3 июня 2021 года предупредил академик РАН Геннадий Онищенко, спрогнозировавший

вавший возможную эскалацию заболеваемости коронавирусом осенью нынешнего года¹. Другой сценарий – оптимистический, предполагает победу над коронавирусом путем активной вакцинации и приобретения иммунитета в национальных и международных масштабах.

Тем не менее, скорее всего, нас ждет будущее в коридоре вероятностей между этими полярными сценариями. В таких условиях по-особенному звучит известное латинское выражение «Praemonitus, praemunitus» (Предупрежденный вооружен), обуславливающее интенсивную работу по прогнозированию развития ключевых сфер современной

¹ Онищенко назвал причину возможного роста заболеваемости COVID-19 в РФ осенью. URL: https://news.mail.ru/society/46578404/?frommail=1&exp_id=899 (Дата доступа: 16.05.2021)

цивилизации, экономики, социума и политики, по ходу дальнейшего развития пандемии и в постковидную эпоху.

Сегодня этими вопросами обеспокоены многие исследователи по всему миру. Разработку таких прогностических моделей ведут международные организации – ООН, ЮНЕСКО, МВФ, ключевые научно-образовательные центры (Наньчангский университет (Сингапур), Колумбийский университет (США), Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Россия)), включились в эту работу и частные исследовательские и консалтинговые компании – Gallup, Ernst & Young Global, а также огромное количество индивидуальных исследователей.

В этой статье автор представляет свой взгляд на проблему формирования новой нормальности, в условиях COVID-19 и после, и ее интерпретации применительно к экономике, политике и социуму.

Обзор литературы и исследований. Вопросы прогнозирования, предикции и форекастинга волновали человечество всегда². Заглянуть в будущее, увидеть его очертания, быть готовым адекватно реагировать на его вызовы и тренды – что может быть лучше. Именно поэтому, на протяжении практически всего исторического пути развития цивилизации, самые разные люди применяли разнообразнейшие способы, от строго научных до полностью шарлатанских, получения представления о ближайшем и более удаленном от сегодняшнего дня будущем. На научную основу вопросы прогнозирования пытались поставить множество раз. Однако получилось это сделать только к концу XVIII века, когда в «Фермерском альманахе» его издатель, Роберт Б. Томас, начал систематически публиковать прогнозы урожайности различных культур [1].

Сегодня существует широчайший спектр научно обоснованных методов прогнозирования, которые применяются в отношении составления прогнозов в любой отрасли знания или научной дисциплине [2; 3; 4]. В то же время, каждая из трех рассматриваемых нами общественных сфер имеет свою специфику в предикции и составлении прогнозов. Так, экономическое прогнозирование содержит наибольшее количество математико-статистических методов [5; 6; 7]. В свою очередь, политическое прогнозирование в большей степе-

ни ориентируется на совмещение математических методов с нематематическими, в поисках точного прогноза на их пересечении [8; 9; 10; 11]. Наконец, социальное прогнозирование основано на агрегации распределенных знаний сотрудников и экспертов, с последующим преобразованием информации в поддающиеся количественной оценке индикаторы [12; 13; 14; 15].

В обзоре литературы нельзя не упомянуть о том, что сегодня уже ведутся первые разработки предикционных материалов, направленных именно на предвосхищение черт и характеристик постпандемического мира. Эти смелые попытки, выраженные пока в немногочисленных монографиях и сборниках статей, заслуживают самого пристального внимания [16; 17].

Материалы и методы. В работе используется широкий спектр материалов и методов, обусловленный необходимостью не только дать описание актуального состояния экономики, социума и политики в период пандемии, но и попытаться дать осмысленный и целенаправленный прогноз тенденций развития указанных сфер и формирования так называемой постковидной «новой нормальности» вообще. Такой подход обусловил отбор следующих материалов для проведения исследования:

- 1) заявления официальных лиц и правительственных организаций, в частности, ООН, Президента России В. Путина, главы Еврокомиссии У. фон дер Ляйен, Минздрава России;
- 2) данные и результаты общемировых исследований Международного валютного фонда (IMF), Регионального офиса ООН по вопросам миграции в Экономической Еврорегии (IOM);
- 3) материалы и данные исследований крупнейших мировых СМИ и научных журналов, таких как ТАСС, РИА Новости, ABC News, Социологические исследования (СоцИс), Власть, Wall Street Journal, The Guardian, World Economic Outlook, International Security, British Journal of Sociology, Foreign Policy, The Diplomat, The Times, Espacios;
- 4) данные и результаты исследований отечественных и зарубежных научных центров – ФОМ, ВЦИОМ, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Gallup, University of Chicago, Columbia

²Прим. автора: Следует отметить, что для автора указанные термины выступают как взаимосвязанные, но не сводимые друг к другу. Так, прогнозирование, объективно, представляет собой оценку перспектив развития какого-либо процесса или явления в наиболее общем плане, при сохранении актуальных тенденций. Предикция, в свою очередь, представляет собой субъективное представление кого-либо о будущем состоянии процесса или явления, основанное на наблюдениях, опыте или интуиции. Форекастинг представляет собой строго научную дисциплину, когда выводы о перспективах развития ситуации или положения дел в рассматриваемой области осуществляются объективно, научными способами на основе анализа больших массивов собранных данных.

University in the City of New York, University of Gothenburg, Varieties of Democracy Institute;

- 5) результаты исследований консалтинговых компаний SmartGoPro, Ernst & Young Global;
- 6) результаты личных исследований автора.

Для анализа и обобщения была сформирована специальная методологическая система, куда вошли такие подходы, как антропологический, парадигмальный, социально-стратификационный, сравнительно-сопоставительный, формационный, цивилизационный. Также среди методов исследования нашли свое применение систематизация, классификация, типологизация, моделирование и ряд других.

Результаты исследования

Общие направления трансформаций

Пандемия COVID-19 привела к изменениям, которые казались немыслимыми всего за несколько месяцев до ее начала. В феврале 2020 года представлялось невозможным, что весь штат офисных клерков многих стран скоро будет работать исключительно из дома. Казалось немыслимым, что объем авиаперелетов резко упадет (на 96%), что миллионы трудовых мигрантов в Индии и Индокитае будут вынуждены предпринять титанический исход – пешком за тысячи миль до своих родных деревень. В то время как кризис замедлил время донельзя, для многих реальность такова, что пандемия все еще находится в самом начале. Очевидность этого утверждения основана на том, что в апреле 2021 года, когда пишутся эти строки, глава Еврокомиссии, Урсула фон дер Ляйен, уже констатировала начало третьей волны эпидемии³. А непосредственно 26 апреля к этому мнению присоединился и российский Минздрав⁴. Такое положение дел, вероятно, принесет дальнейшие трансформации в экономику и социум, которые сегодня можно попытаться спрогнозировать.

Пытаясь осмыслить перспективы развития мира в эпоху пандемии и постковидную эпоху, исследователи структурируют формирование представления о новой нормальности в четырех основных доменах:

1. Мировой порядок. Как COVID-19 изменит структуру международной системы?
2. Общество и экономика. Как COVID-19 повлияет на структуру общества и экономики на на-

циональном, провинциальном и/или городском уровне?

3. Фирмы и рынки. Как COVID-19 изменит пути распространения товаров и услуг, какие фирмы и рынки будут эффективно работать?
4. Домохозяйства и частные лица. Как повлияет COVID-19 на индивидуальное поведение и структуру семьи?

Давая им более подробную характеристику, необходимо отметить, что, в первую очередь, пандемия будет иметь серьезные последствия для глобального баланса сил. Очевидно, что исследования по этому вопросу должны быть особенно сфокусированы на балансе между двумя ведущими мировыми экономиками: США и КНР. Америко-китайские отношения, и без того противоречивые в последние годы, становятся еще больше чреватые мировым кризисом. Пандемия, похоже, ускоряет отход Америки от послевоенной руководящей роли, еще больше ослабив Бреттон-Вудские многонациональные институты, и создает вакуум мирового лидерства.

Что заполнит этот вакуум? Этот кризис, несомненно, затрагивает все страны, поэтому «победителями» станут те, кто меньше всего пострадает. Поскольку кризис еще только начинается, неясно, как сложатся судьбы разных государств, кому эти события пойдут на пользу. В этом направлении предлагается сразу несколько вариантов. Один из них – возвращение к многополярности, возможно, с повышением роли Европы. Хотя континент, скорее всего, будет занят собственными внутренними (так сказать, тыловыми) проблемами, поскольку ЕС уже с 2009 года столкнулся с самым большим вопросом – в организации внутреннего взаимодействия между членами. Другим вариантом развития событий выступает серьезное снижение репутации нескольких крупных наций, основанием для чего послужили слабоэффективные меры реагирования на пандемию. В таких условиях меньшие страны, особенно азиатские «молодые тигры», могут заявить свои претензии на уровне региона и получить определенное влияние. Пока еще слишком рано оценивать репутационные издержки различных стран мира в долгосрочной перспективе, при этом все громче и громче звучат голоса озабоченности тем, может ли пандемический кризис усилить тенденцию к авторитаризму.

Отдельным вопросом в общих тенденциях цивилизационного воздействия пандемии COVID-19 выступает ее влияние на процессы глобализации.

³Глава ЕК заявила, что ЕС находится в начале третьей волны коронавируса. URL: <https://ria.ru/20210326/koronavirus-1602903253.html> (Дата доступа: 26.04.2021)

⁴См.: Минздрав: в России началась третья волна коронавируса. URL: <https://ria.ru/20210330/volna-1603465816.html> (Дата доступа: 26.04.2021)

Разразившийся кризис уже привел к наиболее резкому сокращению всех видов международных потоков в современной истории, что усугубил еще и тот факт, что это пришлось на разгар глубокой глобальной рецессии. Пандемия выявила отчетливые уязвимости в трансграничных цепочках поставок, мотивируя компании переосмыслить свои глобальные операции и пути продвижения. По окончании кризиса следует ожидать, что цепочки поставок будут реструктурированы.

Производство приблизится к внутренним рынкам, что будет сопряжено с тенденцией к регионализации и релокализации. Восход Индустрии 4.0 и 3D-производства сделает эти сдвиги возможными. Экономические акторы в таких условиях могут оказаться ограниченными сферой влияния, вместо того, чтобы действовать на действительно глобальной арене. Отдельным вопросом здесь встает вопрос производства, распределения и потребления продуктов питания. Кризисные факторы могут реструктурировать цепочки поставок пищевых продуктов. Как и их производственные аналоги, цепочки поставок продуктов питания во многих странах и регионах мира были оптимизированы для обеспечения эффективности функционирования по ходу кризиса. Однако была выявлена их неустойчивость, поскольку кризис привел к резким колебаниям спроса. Например, закрытие ресторанов и кафе привело к существенному повышению количества проблем в этой отрасли, в то время как потребители запасались продуктами, зачастую очень скоропортящимися.

В то же время, например, в США высокая концентрация в мясоперерабатывающей отрасли привела к дефициту мясopодуков в розничных сетях, так как, в связи со вспышками COVID-19, ряд заводов был вынужденно остановлен. В результате, дефицит ускорил рост малых местных мясоперерабатывающих производств и мясотоварных фермерских хозяйств⁵. Они оказались более гибкими и устойчивыми благодаря близости к конечному потребителю, и смогли повысить популярность мяса, выращенного на экологической растительной основе (выпас, а не инкубаторское стойловое содержание), что знаменует собой тенденцию в потреблении, которая может сохраниться за пределами пандемии.

Пандемия повлияет не только на потоки товаров и услуг, она также изменит потоки мобильности людей. Мобильность рабочей силы резко упала уже с начала пандемии, поскольку правительства ограничили поездки и иммиграцию, в надежде остановить распространение вируса. Следует ожидать,

что эти ограничения останутся в силе и после COVID-19, поскольку продолжающаяся высокая степень заражаемости заставляет страны поддерживать иммиграционные ограничения, и международные поездки останутся в депрессии, как минимум, на несколько лет. Но, даже несмотря на то, что пандемия сокращает поток людей, она позволит создать иную концепцию мобильности рабочей силы. Быстрый и постоянный переход к удаленной работе, вероятно, выйдет за рамки границ. Если люди не могут переехать на работу, работа переезжает к ним. Для работ же, которые можно выполнять дистанционно, компании перейдут на глобальную удаленную рабочую силу [18, с. 23].

Мировая и российская экономика в период пандемии и после

Реальное положение экономики во время пандемии и фундамент роста. Ни для кого не является секретом, что на протяжении 2020 года, в связи с пандемией COVID-19, мировая экономика испытывала редкие по силе негативные воздействия. Многие аналитики открыто говорили о том, что, скорее всего, на протяжении этого года вместо роста мировая экономика покажет спад, причем назывались даже цифры, в 2–2,5% [19]. Реальность существенно обогнала эти прогнозы, показав спад мирового ВВП в 2020 году на 3,3%, что свидетельствует о том, что кризис COVID-19 ещё более глубок, чем финансовый кризис 2009 года. Представим эту динамику на графике (рис. 1).

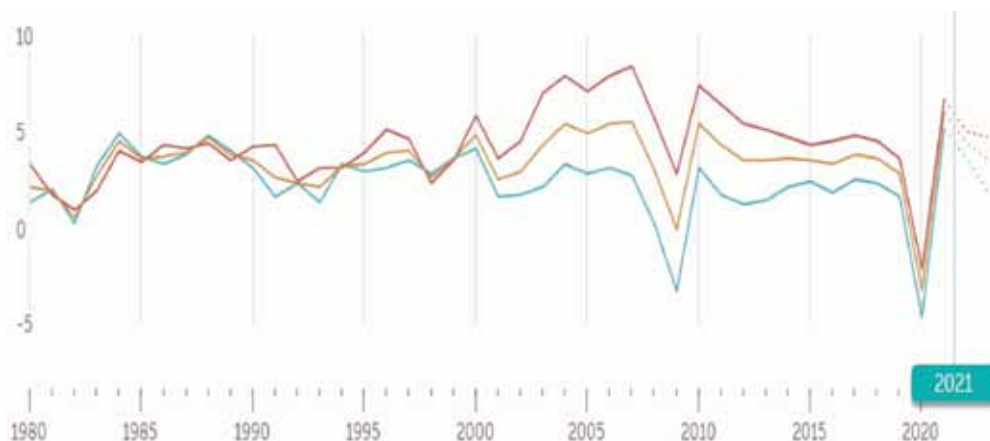
При этом, если разложить представленную информацию применительно к падению национального ВВП в 2020 году по странам, то получится картина, представленная в табл. 1.

Приведенные в табл. 1 данные показывают, что практически без потерь, более того, с приобретениями, из первого года коронавирусной эпидемии вышел Китай. В настоящем исследовании нет места конспирологическим теориям, в то же время, как убежден автор, невозможно объяснить данную ситуацию только авторитарным характером китайского общества и мобилизационным характером его экономики. Поэтому истоки такого положения следует искать существенно глубже «шедевров воображения» ряда авторов, куда следует отнести, в том числе, и расхождение в англоязычных СМИ сентенции относительно причастности Российской Федерации к распространению COVID-19, фальсификации различных выборов, «гиператаки» и т.п.

Объективно, ещё в 1980 году, в интервью собственному корреспонденту журнала «Far Eastern Economic Review», Чарльзу Джефферсону Паку,

⁵Newman, Jacob Bunge and Jesse Tyson Turns to Robot Butchers, Spurred by Coronavirus Outbreaks // Wall Street Journal. 11 July 2020.

* Красным цветом отображена динамика стран с формирующимся рынком и развивающихся стран, синим цветом – развитых экономик, желтым цветом – общемировая динамика.

Источник: IMF World economic outlook. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021#Gdp>

Рис. 1. Рост реального ВВП. Годовое процентное изменение

Source: IMF World economic outlook. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021#Gdp>

Fig. 1. Real GDP growth. Annual percent change

Показатели падения ВВП по странам, по данным МВФ

Таблица 1

Table 1

Indicators of the fall in GDP by country, according to the IMF

Наименование	Изменение ВВП, %
Общемировые данные	-3,3
Продвинутые экономики, среднее	-4,7
США	-3,5
Еврозона	-6,6
ФРГ	-4,9
Франция	-8,2
Италия	-8,9
Испания	-11,0
Япония	-4,8
Объединенное Королевство	-9,9
Канада	-5,4
Растущие рынки и развивающиеся экономики (Азия)	-1,0
КНР	2,3
Индия	-8,0
АСЕАН-5	-3,4
Растущие рынки и развивающиеся экономики (Европа)	-2,0
Российская Федерация	-3,1
Латинская Америка и Карибы	-7,0
Бразилия	-4,1
Мексика	-8,2

Источник: Latest World Economic Outlook Growth Projections. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021#Gdp>

Source: Latest World Economic Outlook Growth Projections. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021#Gdp>

Янь Инхуа, заместитель директора «China Construction Engineering» – крупнейшего на тот момент субподрядчика китайского Минстроя, обосновал новую программу экономического развития КНР, под лозунгом «Меньше затрат – больше успехов!!!», в рамках которой предполагалось совместить дешевые китайские рабочие руки с передовыми западными, прежде всего, американскими, технологиями [20, с. 315]. В 2009 году эта программа закончилась, следует понимать, успешно, поэтому началась новая – «Шелковый путь». Однако очевидно, что успехи предыдущей программы не пропали «втуне» и дали КНР целый спектр возможностей, позволивших пройти первый год пандемии без потерь.

Обращаясь в таких условиях к российской практике общественно-экономического развития – по ходу пандемии, то есть с совокупностью характеристик, с которыми наша страна подойдет к порогу вступления в пост-пандемическую экономику, следует констатировать, что, несмотря на все усилия российского руководства, ситуация в отечественной экономике в связи с коронавирусом крайне усложнилась. Так, несмотря на все меры поддержки, которые были гарантированы в обращении

Президента Российской Федерации Владимира Путина 26 марта 2020 года⁶, в течение 2020 года убыль предприятий малого и среднего бизнеса в России, по оценкам FinExpertiza, которые приводит ТАСС, составила более чем 240 тыс., то есть их число сократилось на 4,2% – до 5,6 млн. Это второе резкое падение по сравнению с 2019 годом, когда убыль составила 1,4%. Таким образом, динамика сокращения числа МСП ускорилась в три раза. Количество микропредприятий уменьшилось на 4,3% (до 5,35 млн), малых – на 3,3% (до 218,5 тыс.), зато средних стало больше на 5,2% (17,6 тыс.)⁷.

Тем не менее, Международный валютный фонд ожидает сильное экономическое восстановление уже в 2021 году, когда начнется широкомасштабное национальное и транснациональное развертывание вакцин против COVID-19. В то же время, он предупреждает о «серьезных проблемах», учитывая разную скорость вакцинации по всему миру. При этом руководство МВФ в лице Гиты Гопинат сохраняет оптимизм. Так, МВФ заявил, что ожидает роста мировой экономики в 2021 году на 6%, на март 2021 года, по сравнению с январским прогнозом в 5,5%. Если заглянуть в будущее, ожидается, что мировой ВВП в 2022 году вырастет на 4,4%, что выше прежней оценки в 4,2%. «Даже при высокой неопределенности пути пандемии выход из этого медико-экономического кризиса становится все более очевидным» – отметила главный экономист МВФ Гита Гопинатх в последнем отчете «Перспективы развития мировой экономики»⁸.

В таких условиях особенный интерес представляет рассмотрение того, как же именно могут восстановиться мировая, транснациональная и национальная экономики, чтобы не только достигнуть указанных результатов, но и в дальнейшем показывать рост в условиях новой нормальности.

Восстановление мировой и национальных экономик в постковидную эру: pro et contra. На протяжении многих лет в экономическом дискурсе господствовали такие понятия как «послевоенная экономика», «постиндустриальная экономика» и «экономика после Брексита». Теперь все более мощно на передний план выходит категория «экономика после COVID-19». Тем не менее, этот период ещё не наступил – COVID-19 все еще бушует по всему миру. Однако некоторые контуры эконо-

мического будущего уже видны. А для России, как и для многих других стран, отмечаются как негативные факторы, так и интересные возможности.

Негативные черты. На фоне роста социального дистанцирования и вероятности выхода из строя автоматических рыночных регулирующих механизмов, систему которых так последовательно выстраивали по ходу процессов глобализации, в перспективе возникнет скорее «экономика с низким уровнем вмешательства», в которой будут ограничены непосредственные контакты в цепочке «производитель–продавец–потребитель», будет ограничена мобильность, равно как и такие привычные занятия, как общение, питание вне дома и крупные мероприятия – конференции, концерты и спортивные соревнования. Также может временно появиться новое поколение «белых слонов» в виде мегамоллов, высотных отелей, больших офисных зданий (поскольку все больше людей будет работать из дома), круизных лайнеров, самолетов и площадок для крупных мероприятий, организованных на основе принципа социального дистанцирования.

Существующие сегодня указанные объекты инфраструктуры и транспортные средства (морские лайнеры, аэробусы и т.п.), которые ещё 1-2 года назад проектировались и действовали по принципу концентрации, то есть наиболее полного, вплоть до скученности, использования полезного объема, в конечном итоге вернуться к своему обычному состоянию – но не ранее ощутимой победы над пандемией, а в обозримом будущем будут либо пустыми, либо станут работать значительно ниже своей мощности. Такое положение, когда количество рейсов авиатранспорта и других видов транспорта трансграничной мобильности упало весьма сильно, уже приводит к отмечающемуся снижению спроса на ГСМ, что начинает усложнять положение нефтегазового сектора в части переработчиков и продавцов ГСМ.

В таких условиях, для этой части рынка, закономерно предположить рост числа банкротств и увольнений. Компании в целях выживания будут пытаться свести к минимуму постоянную численность персонала и привлекать больше контрактных работников на временной основе в удаленной форме. География рабочих мест будет расширяться, вследствие чего многие сотрудники будут вынуждены временно работать в нескольких ком-

⁶ Обращение В. Путина из-за ситуации с коронавирусом 26 марта 2020 года. РИА Новости. URL: https://ria.ru/category_obraschenie-pufina-iz-za-situatsii-s-koronavirusom/ (Дата доступа: 28.03.2020)

⁷ 1 млн российских предприятий малого и среднего бизнеса закрылись за год // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9197739> (Дата доступа: 20.04.2021)

⁸ Цит. по: Okamoto Geoffrey (FDMD, IMF) Global Economy 2021: Prospects and Challenges / IMF Report to the China Development Forum (session V venue I), March 20, 2021. IMF, N.W., Washington, D.C., 2021. 45 p.

паниях одновременно, что объективно приведет к преобразению мирового рынка труда. Можно даже сказать, что многие специальности уйдут в так называемую «зону подработок».

Модели торговли также изменятся по мере изменения цепочек поставок и попыток стран переориентировать производство. Эти процессы объективно будут совпадать, с наблюдающимся уже сегодня усилением протекционизма, по крайней мере, в краткосрочной перспективе, по мере того, как страны предпринимают меры по защите привилегированных отраслей от конкуренции в условиях углубляющейся рецессии и сокращения рабочих мест. Имеют место также свидетельства экспортного протекционизма, когда страны ограничивают экспорт медицинских товаров, фармацевтических препаратов и даже продуктов питания. В дальнейшем такое поведение национальных правительств вызовет к жизни негативные процессы противоборства, а не сотрудничества на мировом рынке, чему ярким примером стала торговая война между Соединенными Штатами и Китаем, которая может вспыхнуть с новой силой.

Новые возможности. Однако, как всегда, бывает в периоды кризисов и перемен, также появятся новые возможности и области для роста. Хотя многие отрасли находятся в депрессивном состоянии, одним из исключений является медицинская и фармацевтическая промышленности, которые находятся на пороге бума. Многие страны по всему миру, вероятно, увеличат расходы на здравоохранение даже после того, как кризис COVID-19 утихнет. Примером здесь может являться один из молодых «Азиатских тигров» – Сингапур, который занимает исключительно выгодное положение в этой области. Более 30-ти ведущих мировых фармацевтических и медицинских технологических компаний создали здесь производственные и научно-исследовательские центры. Сектор биотехнологий Сингапура также подает надежды. В прошлом году он учредил новый консорциум под названием Target Translation Consortium, чтобы координировать усилия по поиску лекарств на ранней стадии в государственных медицинских учреждениях, частных учреждениях здравоохранения и университетах.

Одна из мега-тенденций, которую мы увидим – это быстрое распространение дигитализации, поскольку удаленная работа становится новой нормой. Примером здесь может выступать программа GoDigital, предложенная и развиваемая компанией SmartGoPro, и другие программы, которые предлагают предварительно одобренные цифровые решения с грантовой поддержкой⁹. Это

даст возможность тысячам компаний относительно быстро преобразоваться для работы в цифровом формате, что выступит минимальным входным билетом для работы в постпандемической экономике.

Удаленная работа, удаленный найм. Развитие форм и моделей удаленной работы, объективно, представит как дополнительные возможности, так и проблемы. Конечно, это позволит компаниям сэкономить на расходах – на недвижимость, коммунальные услуги, канцелярские товары и инфраструктуру, а также сократит транспортные расходы для сотрудников. Удаленная занятость предполагает работу из любого места, и многие компании смогут нанимать лучших специалистов из любой точки мира, что предполагает усиление конкуренции на рынке труда, который действительно выйдет на мировые масштабы.

В целом, COVID-19 приведет к ускорению ряда тенденций в экономике, которые уже зарождались. Очевидно, мега-тенденцией, которую мы увидим, станет и далее ускоряющееся распространение дигитализации, поскольку удаленная работа становится новой нормой.

Рост электронной коммерции может быть постоянным, поскольку покупательские привычки людей меняются, и все больше розничных продавцов выходит в Интернет. Современный мир уже хорошо обслуживается электронной коммерцией, с такими признанными игроками, как Amazon, Qoo10, Lazada, Shopee и Carousell, а также нишевыми отраслевыми игроками, такими как Sephora, FairPrice и Gynsportz. Здесь следует констатировать, что, с переходом целых отраслей на площадки электронной коммерции, может появиться больше нишевых игроков.

Бум электронной коммерции, закономерно, будет стимулировать рост сопутствующих услуг, таких как веб-дизайн, цифровой маркетинг и управление контентом. Логистическая отрасль также будет расти по мере того, как электронная коммерция набирает обороты и становится более устойчивой. В результате некоторые категории работников, особенно «белые воротнички», столкнутся с ужесточением конкуренции в процессе углубляющейся глобализации рынка труда. Но, в то же время, эти процессы предоставят больше возможностей работать в компаниях за пределами своих стран. Компании, в свою очередь, смогут обслуживать клиентов и заказчиков по всему миру в цифровом формате. Это же смогут делать образовательные учреждения – через массовые открытые онлайн-курсы, а также больницы и врачи – через теле-

⁹Группа компаний SmartGoPro. Результаты за 2020 год. URL: <https://smartgopro.com/#block200> (Дата доступа: 03.05.2021)

медицину. Дистанционное обучение и удаленная медицина после коронавируса перейдут из периферийных отраслей в основное русло экономики.

«Малоконтактное» производство. Существенную трансформацию в постковидной экономике приобретет производство. Это означает, что его автоматизация ускорится за счет более широкого использования роботов, расширения форм удаленной работы и 3D-печати. Данная ситуация может пойти на пользу отраслям промышленности, помогая нейтрализовать относительно высокие затраты на рабочую силу.

Более быстрое развитие робототехники после COVID-19 изменит не только производство, где роботы уже выполняют такие задачи, как сборка и тестирование продукции, но также здравоохранение, строительство, логистику и другие отрасли. Например, автономные транспортеры уже используются для эффективного перемещения предметов снабжения и выдачи лекарств в больницах. Некоторые отели уже используют так называемых «робобутеров» для доставки еды, напитков и постельного белья.

3D-печать – еще одна область, которая приобретет все большее значение в экономике после коронавируса, поскольку все больше обрабатывающих производств переформируются, и процессы, требующие минимального вмешательства, приобретают популярность. По мере того, как все больше производств перестраивается, все большее распространение получают процессы с низким уровнем взаимодействия. И здесь у 3D-печати есть огромный потенциал для трансформации не только производства, но и других отраслей, например, таких как строительство.

Развитие возможностей. Центральным вопросом развития постпандемической экономики, в конечном итоге, будет выступать проблема наиболее полного удовлетворения потребностей огромных масс населения, с выводом поставок товаров и услуг на допандемический уровень. Стратегическим императивом, очевидно, является обеспечение стабильных и надежных поставок товаров на базы разнообразных поставщиков. Предприятия, которые смогут это эффективно осуществить, выйдут на передний план в спектре национальных и международных экономических лидеров, потеснив нефтегазовый сектор.

В то же время, национальные экономики поставят в фокус своего постпандемического развития продовольственную безопасность, для чего станут наращивать свой внутренний потенциал производства продуктов питания с помощью биотехнологий и специализированного сельского хозяйства. Здесь сформируется потенциал для до-

стижения определенного уровня национальной самодостаточности, с помощью инновационных агропромышленных предприятий для разведения рыбы, птицы и яиц. Существенно расширятся возможности для компаний, которые могут эффективно применять передовые технологии в сельском хозяйстве с помощью гидропоники, аэродинамического земледелия, аквапоники или других форм производства продуктов питания.

Объективно, в эпоху после COVID-19 сектор здравоохранения может претерпеть огромные преобразования. Государственные расходы на здравоохранение для предотвращения или подготовки к будущим пандемиям, вероятно, увеличатся, что, в свою очередь, создаст возможности для компаний в этом сегменте. Спрос на товары для здоровья и средства индивидуальной защиты, будь то защитная одежда, маски, перчатки или другие товары, также в ближайшее время не исчезнет. Пандемия также подчеркнула важность наличия достаточно большого количества подготовленных медицинских работников. Необходимо будет создать больше национальных учебных заведений, особенно для тех стран, которые импортируют большинство медицинских работников, с подготовкой не только для обслуживания населения во время эпидемий, но и в условиях общего старения населения.

Фармацевтические и медицинские технологические компании также будут в центре внимания, поскольку поиск вакцин, лекарств и терапевтических средств становится критически важным в эпоху после COVID-19. Можно констатировать, что будущее биотехнологического и биомедицинского секторов остается светлым. Спрос на телемедицину также может вырасти, поскольку люди будут избегать посещения переполненных клиник по поводу легких заболеваний. Кроме того, пандемия повысила осведомленность о необходимости страхования, которое покрывает комплексную госпитализацию, тяжелые заболевания и инвалидность, а также политику в отношении жизни. Страховщики, которые могут предложить инновационное страховое покрытие для таких случаев станут лидерами в своем секторе.

Социум

Базовые характеристики социального воздействия пандемии. Рассматривая вопрос воздействия пандемии на социум, следует провести четкое разграничение между биомедицинскими и собственными социальными аспектами, которое в последнее время существенно стерлось. Так, статистические показатели заболеваемости, выздоровления и смертности от коронавируса, являясь весьма важными, все же относятся к биомедицинским показателям, тогда как отношение людей к коронавирусу и пандемии в целом, их мнения, установки и пред-

почтения имеют прямое отношение к социальному срезу. Именно на социальном срезе мы сконцентрируемся в настоящем исследовании.

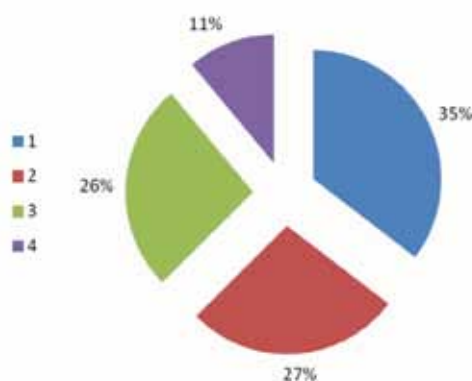
Отправным моментом здесь следует констатировать социальное состояние российского общества накануне пандемии, которая, как мы помним, разразилась в 2020 году. Так, по результатам предшествовавших пандемии исследований, проведенных Институтом социологии ФНИСЦ РАН, более 55% россиян были обеспокоены своим здоровьем, а основной внутренней угрозой называли ухудшение качества отечественного медицинского обслуживания [21]. В начале эпидемии, в апреле 2020 года, доля россиян, которые приобрели опасения заразиться коронавирусом, по данным телефонного опроса ВЦИОМ составила 77% опрошенных¹⁰. В это же время, например, американское общество было настроено более оптимистично. По данным опросов Gallup, в апреле 2020 года всего около 64% населения США получало полную информацию о течении пандемии коронавируса и опасались заражения¹¹.

Однако существенно большее количество россиян, по сравнению с жителями США, высказались о пандемии более оптимистично, что следует из сравнения данных панелей Gallup и проекта К-зонд ФОМ. Так, от 48% в тяжелейшие периоды (ноябрь 2020 года) до 63% в наилучшие периоды (апрель 2021 года) опрошенных в России высказалось о том, что пандемия никак не повлияла на их жизнь. Тогда как в США – обратная картина: в ноябре 2020 года 72% американцев ощущало отрицательное влияние пандемии, а к апрелю 2021 года этот показатель понизился до 63%¹².

В отношении предпочтений следует отметить, что пандемия показала всю широту их спектра. Может быть выделено 4 основных типа потребительских предпочтений, проявляющихся в поведении их носителей. Для их характеристики обратимся к исследованию Future Consumer Index, проведенному и представленному компанией EY в 2020 году¹³. Итак, исследование выявило следующие типы потребительских предпочтений в пандемию: (1) потребители, считающие необходимым экономить и запасаться – 35%; (2) потребители, считающие

необходимым резко сокращать расходы – 27%; (3) потребители, считающие необходимым сохранять спокойствие и продолжать жить дальше – 26%; (4) потребители, считающие необходимым «залечь на дно» и тратить – 11%.

Представим указанное распределение в виде диаграммы (рис. 2).

Источник: Future Consumer Index: как COVID-19 меняет поведение потребителей. URL: https://www.ey.com/ru_ru/consumer-products-retail/how-covid-19-could-change-consumer-behavior

Рис. 2. Распределение потребительских предпочтений в пандемию

Source: Future Consumer Index: how the COVID-19 changing consumer behavior. URL: https://www.ey.com/ru_ru/consumer-products-retail/how-covid-19-could-change-consumer-behavior

Fig. 2. Distribution of consumer preferences in a pandemic

Приведенные данные показывают, что количество потребителей-пессимистов, считающих, что необходимо либо запастись продуктами и сокращать объём потребления, либо запастись деньгами посредством резкого сокращения трат, составляет обобщенно 62%, тогда как количество потребителей-оптимистов – всего 37%, то есть практически вдвое меньше, что свидетельствует о преобладании негативных ожиданий. Рассматривая внутреннее распределение предпочтений, следует отметить, что основными параметрами сокращения трат, для всех без исключения категорий из представленных выше, выступают путешествия и покупка одежды и обуви.

¹⁰ Россияне: информации о коронавирусе достаточно. Аналитический обзор ВЦИОМ. 20 апреля 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-informaczi-i-koronaviruse-dostatochno> (Дата доступа: 14.05.2021)

¹¹ Reinhart R.J. Americans' Concerns About Catching COVID-19. Gallup panel. 06 April 2021. URL: <https://news.gallup.com/poll/344183/americans-worry-catching-covid-drops-record-low.aspx> (Дата доступа: 14.05.2021)

¹² Соответственно: Динамика К-Зонд2. ФОМ. URL: <https://fomru.sharepoint.com/:s/inFOM/EUuLyWmcTANPqsNzbERFxuEBMNPmEXBiHUXUm3OZm4VKhA?rttime=RZjwm5Ma2Ug> (Дата доступа: 14.05.2021); Coronavirus Pandemic. Gallup. URL: <https://news.gallup.com/poll/308222/coronavirus-pandemic.aspx> (Дата доступа: 14.05.2021).

¹³ Future Consumer Index: как COVID-19 меняет поведение потребителей. URL: https://www.ey.com/ru_ru/consumer-products-retail/how-covid-19-could-change-consumer-behavior (Дата доступа: 16.05.2021)

В свою очередь, такая категория потребления как продукты длительного хранения (консервы, бакалея) вызывают, наоборот, большую потребительскую привлекательность. Так, предпочитающие «залечь на дно» и тратить собираются увеличить на 53% расходы на приобретение таких продуктов, а стремящиеся сокращать расходы, экономить и запасаться практически идентично заявили о намерении потратить на 33–36% больше на приобретение этих категорий, тогда как оптимисты, считающие, что необходимо жить, как и жили – всего на 21%.

Таким образом, следует констатировать, что пандемия объективно наложила свой отпечаток на предпочтения и поведение людей. Далее перейдем к рассмотрению прогнозов развития социума в постпандемической перспективе.

Перспективы общественных трансформаций в пандемию и после. Вопрос о том, как обновится общество после пандемии, вызванной новым коронавирусом, ставит особые задачи, выходящие за рамки непосредственной и трудной проблемы изучения реального состояния общества и прогнозирования направлений его развития. Для ученых вопрос стоит не только в том, каким должно стать общество после пандемии COVID-19, но ещё и в том, как социальные условия, выявленные, обостренные или созданные новым коронавирусом, потребуют существенного переосмысления устоявшихся представлений об обществе и, как следствие, некоторых из преобладающих допущений, методов и теорий социальных наук.

Кризис COVID-19 нарушил нормальную практику экономики и управления, равно как и научную экспертизу этих сфер. Сегодня мы переживаем неожиданный глобальный экономический кризис, и можно констатировать, что скорость и масштабы общего спада не имеют исторических прецедентов, поэтому его влияние на социум ограничено может быть смоделировано с использованием стандартных методов социальных наук. В сфере политической экономики мы видим рыночные переходы без исторических прецедентов, поэтому становится невозможным их надежно моделировать в условиях появления новых и неформальных явлений экономики.

Во многих странах ответные меры на пандемию снова меняют соответствующие роли и обязанности правительств штатов и федерального правительства, на фоне перестановки глобального политического порядка, что, по мнению ученых, связано с упадком глобализации и сохранением

асимметричной национальной взаимозависимости¹⁴. Проверенные факты и веские доказательства, полученные в результате научных исследований, которые когда-то, во времена социальной дезориентации, использовались как балласт, теперь подвергаются идеологической «лакмусовой бумажке» или игнорируются.

Помимо введения новой динамики, пандемия подтвердила то, что ученые знали о социальном неравенстве.непропорциональное и опасное для жизни воздействие нового коронавируса на сообщества в Индии является симптомом более широкой и глубокой социальной пандемии структурного неравенства. Социологам давно известно, что социально-экономические возможности, сектор занятости, лишение свободы и статус содержания под стражей, небезопасное жилье и доступ к образованию имеют прямое отношение к здоровью и благополучию.

Какой должна быть преобладающая модель общественного развития после того, как вмешательство пандемии ломает наши современные представления экономике, управлению в разделе экспертных знаний, и подтвердит то, что мы не смогли решить проблему социального неравенства? Как мы можем продолжать инвестировать в проекты, которые поддерживают сохранение социального неравенства, не предлагая путей изменений? Социальные прогнозы формы и характерных черт постпандемического общества призваны сыграть роль в создании новых форм социальной солидарности, которые требуются в данный момент. Одна из моделей исходит из работы социолога Эрика Клиненберга, который, опираясь на свой подход «социального вскрытия», констатирует необходимость развития «социальной инфраструктуры» как ключевого направления постпандемической модернизации [22]. Он исходит из представления об общей человечности, которое является предпосылкой общего блага и на котором обязательно зиждется социальная солидарность. Или, как напоминает нам Зигмунт Бауман, любой «моральный инстинкт... который можно найти в человеческом поведении, порождается обществом. Он растворяется, когда общество перестает функционировать» [23].

Объективно, многогранные последствия пандемии COVID-19 будут для общественного развития в постпандемическую эпоху ошеломляющими. Мы находимся в эпицентре социальных потрясений, которые будут иметь далеко идущие последствия. В данных условиях все чаще используется категория «беспрецедентный». Именно в таких понятиях опи-

¹⁴ Henry Farrell and Abraham L. Newman Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // International Security. 2019. Vol. 44. no. 1. P. 42–79.

сывают сегодня скорость распространения заражения и стойкость коронавируса к традиционным противовирусным препаратам. Термин «беспрецедентный» также олицетворяет новый глобальный общественный дискурс, созданный на основе уникального общественного опыта противодействия инфекции. Очевидно, что при сохранении COVID-19 как данности социум и, более широко, общество в целом вынуждены будут перейти к так называемому «малоконтактному» типу функционирования, когда на передний план выйдут дистанционные формы социального взаимодействия, что будет сопровождаться виртуализацией многих социальных институтов.

Социальные процессы/адаптация. С практической точки зрения, осуществлять социальное прогнозирование развития общественных процессов и адаптации социума к новым условиям и предъявляемым ими требованиям сегодня довольно просто. Достаточно осознать, что необходимые меры общественного здравоохранения, такие как «социальное дистанцирование», останутся с нами, скорее всего, на длительный период, и именно они будут составлять «новую нормальность» социальных и адаптационных процессов.

Очевидно, что два типа социальных процессов, на которые социальное дистанцирование и, возможно (при негативном варианте развития событий), самоизоляция окажут наиболее сильное трансформирующее воздействие – это образовательные и трудовые процессы. Их ожидает дальнейшая виртуализация, которая станет магистральным направлением развития. Эти же процессы, помимо изменений в труде и учебе, вызовут необходимость настройки оборудования, используемого для удаленной работы или обучения, технической поддержки его надлежащего функционирования как с аппаратной, так и с программной точек зрения. А это, в свою очередь, выдвинет на передний план технических специалистов.

Среди других возможных характерных черт новой нормальности социальных и адаптационных процессов выступают, закономерно, расширение применения гибкого рабочего и учебного графика в государственных и частных учреждениях и организациях, которые могут существенно трансформировать такие, ставшие уже традиционными, понятия как «рабочий день» и «учебный день». Последний уже сегодня для большого количества людей, занимающихся самообразованием и саморазвитием, может начинаться поздно вечером и тянуться далеко за полночь.

В то же время, виртуализация и цифровизация работы и образования вызовет необходимость переподготовки и, более того, переквалификации больших масс рабочей силы, которые вынуждены будут проходить эти процессы в качестве формы ускоренной социальной адаптации, в режиме реального времени и без компенсации. В таких условиях упорно сохраняющийся «цифровой разрыв» (англ. the digital divide) может значительно затруднить прохождение данных процессов для населения целых стран, увеличивая уже существующий разрыв между ними и более развитыми странами, подводя мир к новым рубежам неравенства. Объективность и актуальность этих проблем дает возможность по-новому взглянуть на трудовую и образовательную стороны современной цивилизации и сделать упор на культуру труда и обучения, а также ценность знания, что является основой социального равноправия и интернационального взаимодействия, и может сделать социальную среду этической и доступной.

Президент Колумбийского университета Ли Боллинджер сформулировал так называемую «четвертую цель», в рамках которой новые условия требуют консолидированного напряжения всех сил для выживания мира в целом и обеспечения развития цивилизации перед вызовами такого уровня как COVID-19. Основным результатом такой консолидации должно стать продвижение новых эффективных практик социальной адаптации и развития через границы географии и условностей¹⁵.

С социальной точки зрения, COVID-19 затрагивает вопросы человеческого поведения и социального взаимодействия, а также общественного здравоохранения. Первое, что необходимо сделать, это осмыслить «социальное дистанцирование» как новую модальность социальной жизни, несущую в себе как преимущества, так и недостатки. Кроме того, продвижение вперед по историческому пути современной цивилизации, очевидно, будет связано с повесткой «упреждающих социальных действий». Она опирается на уже имеющийся багаж знаний о коронавирусе и социальных последствиях пандемии, и, в то же время, будет выступать попыткой осознанно предвосхитить вероятность неожиданных явлений на социальном горизонте и предложить спектр мер для недопущения наступления их негативных последствий.

Трансформация социальных предпочтений. Рассматривая этот вопрос, необходимо отметить, что сущность постпандемических социальных предпочтений, очевидно, станет итогом и результатом

¹⁵ Bollinger Lee C. Announcing Columbia's 10-Year Sustainability Plan. 22 April 2021. URL: <https://president.columbia.edu/news/announcing-columbias-10-year-sustainability-plan> (Дата доступа: 02.05.2021)

процесса социальной адаптации в пандемию. Наиболее просто было бы отметить, что основная масса населения успешно адаптировалась к пандемии и теперь объективно желает возвращения к допандемическому образу жизни в наиболее полном объеме.

Изложенное верно в самых общих чертах. На практике же существует несколько групп представителей современного социума, которые видят постпандемическую норму совершенно по-разному. Давая им характеристику, обратимся к упоминавшемуся выше исследованию EY Future Consumer Index¹⁶. По его результатам можно констатировать, что доля рассчитывающих вернуться вскоре к нормальной жизни, которая будет иметь допандемические черты, составляет 40% респондентов. Ее основу образует группа, которая в пандемию стремилась всеми силами сохранить привычный образ жизни и не поддаваться алармистским настроениям. Однако увеличение объема данной группы по сравнению с исходным практически на половину (с 26 почти до 40%) показывает, что в нее мигрировала существенная доля представители других групп. Это, прежде всего, успешно адаптировавшиеся представители

группы считавших необходимым экономить и запасаться, состав которой сократился с 35 до 20%, и группы считавших необходимым ввести жесткую экономию, чей состав уменьшился с 11 до 8%. При этом количественный состав группы считавших необходимым «залечь на дно» и тратить фактически не изменился и остался на уровне 11%.

Рассматривая установки населения, по результатам указанного исследования следует констатировать закономерное превалирование ориентации на состояние здоровья и его укрепление, о чем заявило 63% опрошенных. Существенно приближающаяся к этому количеству группа опрошенных (58%) заявила, что в процессе развития пандемии и по ее исходу будет существенно большее внимание уделять вопросам соотношения цены и качества потребляемых продуктов и услуг. Половина опрошенных (50%) указала на то, что планирует сократить расходы на товары не первой необходимости, а 43% респондентов подтвердили, что их социальные предпочтения и установки под воздействием пандемии изменятся в ближайшее время.

Представим данную информацию в виде диаграммы (рис. 3).

Источник: Future Consumer Index: Как будет меняться ваш бизнес за адаптацией потребителей к реалиям? URL: https://www.ey.com/ru_ru/consumer-products-retail/future-consumer-index-keep-up-changing-consumer

Рис. 3. Трансформации установок населения в пандемию

Source: Future Consumer Index: How will your business change when consumers will adapt to realities? URL: https://www.ey.com/ru_ru/consumer-products-retail/future-consumer-index-keep-up-changing-consumer

Fig. 3. Transformation of population attitudes into a pandemic

¹⁶ Как будет меняться ваш бизнес вслед за адаптацией потребителей к новым реалиям? EY Future Consumer Index. URL: https://www.ey.com/ru_ru/consumer-products-retail/future-consumer-index-keep-up-changing-consumer (Дата доступа: 16.05.2021)

Рассмотрим ориентации населения по сегментам в постпандемической перспективе, опираясь на данные Future Consumer Index. Генеральной установкой станет категория «доступности», о чем заявило 30% респондентов исследования. С точки зрения ее содержания следует отметить, что ядром здесь выступают категории разумности и достаточности, которые предусматривают ограничение в тратах на покупку продуктов и вещей, на приобретение услуг и т.п. При этом любые покупки, как и вообще любые социальные действия, предполагают предварительную оценку соотношения затрат с достижениями и результатами, а не с брендами и модой. Неоспоримую важность будет составлять соответствие продуктов и услуг потребностям.

Второй важнейшей ориентацией, по словам 26% опрошенных, будет выступать забота о собственном здоровье и здоровье близких. Однако, по словам респондентов, забота о здоровье будет включать более широкий спектр трансформации поведенческих установок, в рамках чего большее внимание будут обращать на то, что выступает лично опосредованным и важным в жизни, и что, глядя в будущее, кажется верным. В фокусе этого типа социального поведения окажутся, таким образом, категории доверия и безопасности, которыми широкие массы населения будут руководствоваться в жизни.

17% респондентов указало в качестве центральной ориентации свои взаимоотношения с окружающим, в самом широком понимании этого слова. Это предполагает более сознательное, чем ранее, отношение к собственному поведению и происходящему вокруг. На первый план выходят осмысление своего влияния на окружающих и мир в целом, в качестве основы поиска сообщества людей, которые разделяют присущий конкретному индивиду комплекс ценностей, и использование продукции брендов, чья позиция соответствует убеждениям данного сообщества. Важное место в рамках этой ориентации будут занимать вопросы экологии – сокращения отходов и уменьшения воздействия на окружающую среду. Ее носители готовы мириться с сокращением потребления в интересах будущих поколений.

Практически идентичное количество, 16% респондентов, указало в качестве генеральной ориентации общество. Ее идейным ядром выступает мысль о том, что все люди должны совместно прилагать

усилия ради всеобщего блага. Однако не следует отождествлять эту ориентацию с теоретическими положениями и моделями марксизма-ленинизма. Она предполагает главенство категории транспарентности, где поставщики продукции и социальных услуг честно и прозрачно рассказывают о том, что и как они делают, с обязательными доказательствами факта, что потребности общества для них важны не меньше, чем прибыль.

Наконец, последней из этих установок выступает экспирициальная, приверженцы которой (11%) ориентированы на постоянный поиск нового личного, социального и профессионального опыта, позволяющего им удовлетворять свои потребности наиболее эффективно и с уменьшающимися затратами. В своем социальном поведении они будут являться эмпириокритиками, оценивающими все с позиции личного опыта – позитивного или негативного, и он же будет выступать мерилем социальной активности и межличностных отношений.

Политика

Базовые характеристики политики по ходу пандемии и после. Глобальное воздействие пандемии коронавируса ставит два взаимосвязанных вопроса:

1. Выступит ли пандемия поворотным историческим моментом, когда мир навсегда изменится?
2. Окажет ли она долгосрочное влияние на национальную и глобальную политику в мире?

Однозначного ответа на эти вопросы пока нет. Тем не менее, возникающие политические дебаты о влиянии пандемии могут помочь сделать более четкие прогнозы относительно того, как мир будет развиваться после COVID-19. Существуют различные взгляды на нынешние и / или будущие последствия вспышки пандемии. Некоторые аналитики утверждают, что кризис поможет создать новый мировой порядок, в котором Китай будет лидером в глобальном управлении¹⁷. Другие предсказывают, что явное воздействие вируса на человечество может создать новые условия для глобального сотрудничества, расширения и углубления взаимосвязей между странами и народами¹⁸. Некоторые, в свою очередь, предупреждают, что сложившаяся сегодня система межгосударственного сотрудничества и, в конечном итоге, сама глобализация станут основными жертвами пандемии¹⁹.

¹⁷ Mahbubani Kishore More China-Centric Globalization // Foreign Policy, March 20, 2020.

¹⁸ Shivshankar Menon This Pandemic Can Serve a Useful Purpose // Foreign Policy, March 20, 2020.

¹⁹ См.: Mie Oba Coronavirus and the Future of Globalization // The Diplomat, March 18, 2020. Bremmer Ian Why COVID-19 May be a Major Blow to Globalization // The Times, March 5, 2020.

Различные прогнозы указывают на то, что кризис и пандемия породили/усилили в политике факторы неопределенности и незащищенности. К тому же, политический характер воздействия пандемии существенно осложняется спорным вопросом об ее происхождении. При этом можно однозначно констатировать, что дискуссии о происхождении COVID-19, реализуемые именно в политическом поле, только набирают обороты, в то время как все еще уделяется пристальное политическое внимание борьбе с самим вирусом. Очевидно, что решение этого вопроса будет ключом к планам и методам действий в чрезвычайных ситуациях, необходимых для борьбы с будущей пандемией. Любое воздействие пандемии на глобальные геостратегические вопросы зависит от реакции великих держав – КНР, США, России, Евросоюза.

Также важно отметить, что те самые политические факторы, которые предшествовали пандемии, вероятно, будут теми же факторами, которые определяют ее будущие последствия. Обоснование этого предположения состоит в том, что вспышка не была столь внезапной, как теракт 11 сентября, и не столь серьезной с точки зрения последствий, как начало Второй мировой войны. Стивен Уолт отмечает, что «то, что не изменится, – это фундаментально конфликтный характер мировой политики». Предыдущие эпидемии, включая эпидемию гриппа 1918–1919 годов, не положили конец соперничеству великих держав и не открыли новую эру глобального сотрудничества. Как и COVID-19²⁰. Следовательно, влияние коронавируса на политические усилия по управлению кризисом не означает, что после того, как пандемия будет побеждена, кризис предотвратит возрождение предыдущих политических конфликтов, такие как конкуренция между США и Китаем.

До начала пандемии политика и так была полна конфликтов, недоверия, напряженности и растущего популизма. Напряженность была очевидна из-за киберпреступности, «вмешательств в выборы», терроризма, деятельности транснациональной организованной преступности, проблем безопасности человека и региональной неопределенности в Европейском союзе в результате Brexit и финансового положения Греции. Волны мигрантов, ищущих прибежища в Европе, оказывают большее давление на проведение национальной и

региональной политики, повышая этнокультурную напряженность и поляризуя обстановку. Более того, фактор неопределенности усиливался еще и начавшейся на пороге пандемии «торговой войной», когда США вступили в торговые споры с несколькими странами, в основном с КНР.

Таким образом, учитывая нынешнее состояние мировой, региональной и национальной политики, пандемия, вероятно, добавит еще большей неопределенности из-за все более уязвимой для конфликтов среды и появления новых масштабов угроз человечеству и установившемуся глобальному порядку. Однако в данной статье утверждается, что пандемия не приведет к серьезным изменениям в мировой политике и не изменит характер геостратегического соперничества и нынешний баланс сил. В краткосрочной перспективе стена пандемии не окажет такого сильного воздействия, как теракт 11 сентября, и не создаст новый международный порядок.

Многие национальные и региональные экономики выйдут из нынешнего кризиса, стремясь выздороветь и стабилизироваться²¹. Поэтому слом устоявшегося миропорядка представляется сомнительным. Даже основной игрок на поле глобальных преобразований, США, не станет ставить под угрозу сложившуюся мировую систему из-за и так длящейся эскалации политического кризиса мирового уровня, вторым актором которого является Китай.

Долгосрочное воздействие пандемии на политику, вероятно, можно охарактеризовать как трансформацию внутренних аспектов генезиса и реализации власти и национального политического процесса, вращающихся вокруг роли правительства в национальной политике. Анализ, проведенный автором настоящей статьи, показывает, что в обозримой перспективе мы увидим дальнейшее отступление от гиперглобализации, поскольку граждане обращаются к национальным правительствам, ища защиты от вызовов и угроз, а сами государства и крупный национальный бизнес стремятся оптимизировать перспективные уязвимости. Идентичную точку зрения высказывают и такие видные политологи как Стивен Уолт и Робин Ниблетт, которые утверждают, что COVID-19 вынуждает правительства, бизнес и сообщества

²⁰ Allen John R., Nicholas Burns, Laurie Garrett, Richard N. Haass, G. John Ikenberry, Kishore Mahbubani, Shivshankar Menon, Robin Niblett, Joseph S. Nye Jr., Shannon K. O'Neil, Kori Schake, Stephen M. Walt How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic // Foreign Policy, March 20, 2020.

²¹ Tooze Adam The Normal Economy Is Never Coming Back // Foreign Policy, APRIL 9, 2020.

укреплять свою способность справляться с кризисами, осложненными длительными периодами экономической самоизоляции²². К тому же, для Р. Ниблетта эта изоляция может стать глобальной политической парадигмой и, таким образом, «соломинкой, сломавшей верблюжью спину экономической глобализации». Учитывая сформировавшиеся глобальные технологические взаимосвязи, пандемия, безусловно, будет требовать создания национальных и транснациональных структур для самодостаточности государств и сообществ, но она, скорее всего, не приведет к полному откату глобализации по той простой причине, что ни одна страна, включая Соединенные Штаты, не сможет этого сделать.

Долгосрочное воздействие пандемии в основном будет касаться национального управления, включая будущую готовность к эпидемиям за счет увеличения средств для возможности правительств предоставлять населению необходимый уровень здравоохранения и питания, что является важной частью готовности государств к обеспечению безопасности в самом широком ее понимании. Другим следствием пандемии может стать создание новых наднациональных политических институтов, призванных обеспечить более тесную глобальную координацию и сотрудничество по вопросам, связанным с безопасностью здоровья больших масс населения. В таких условиях долгосрочной проблемой выступит так называемый «пандемический террор». Увидев влияние такого вируса на глобальную экономику и мобильность людей, террористические группы могут попытаться начать атаки «вирусного террора», выбирая в качестве объекта нападения не военнослужащих, сотрудников органов охраны правопорядка и население, а медперсонал, большие партии лекарств и антикоронавирусных вакцин и средства личной защиты (маски и проч.)²³. Следовательно, этот тип угрозы потребует национальных и глобальных усилий, аналогичных тем, которые приняты для борьбы с другими формами терроризма. Пандемия также может привести к глобальному пересмотру потребительских отношений, что, в свою очередь, окажет долгосрочное влияние на устоявшиеся модели расходования средств, с последствиями для мировой экономики. Обобщая, следует констатировать, что результаты воздействия пандемии на геостратегическом уровне, скорее, будут двоякими:

она приведет ко все более жесткой конкуренции за ресурсы, равно как и к дальнейшему обострению отношений между США и Китаем.

Политические партии и их судьба в постпандемическом мире. На протяжении последних 20–30 лет мы стали свидетелями резкого воздействия на институты и процессы политического участия и представительства, включая политические партии. Уровень же изменений, вызванных пандемией COVID-19, беспрецедентен. Правительства во всем мире были вынуждены вводить и применять периодические ограничения и усилия по социальному дистанцированию. Такие меры делают практически невозможным физическую близость и социальное взаимодействие, на которые обычно полагаются политические партии при взаимодействии с гражданами. В этих условиях закономерно встают вопросы:

1. Какие стратегии могут или должны быть приняты политическими партиями для выживания и функционирования в условиях «нового нормального» образа жизни общества и различных форм политической деятельности?
2. С учетом того, что изоляция и социальное дистанцирование, вероятно, станут особенностями жизни в обозримом будущем, будут ли политические партии вынуждены действовать, или даже все больше существовать, в сети?

Политические партии – это социальные образования, которые действуют как «приводной ремень» между гражданами и властью имущими. Это, естественно, требует, чтобы они поддерживали тесное взаимодействие и физическую близость к своим членам и сторонникам, а также к гражданам в целом. Такое взаимодействие обычно осуществляется через митинги и общественные мероприятия, агитацию «от двери до двери» в поисках поддержки, раздачу литературы или присутствие на рекламных щитах в общественных местах для распространения информации, ориентированной на различные социальные группы. Посредством всех этих обменов политические партии формируют свою политику, вербуют новых членов и передают идеологию и программные намерения партии. По крайней мере, в обозримом будущем социальное взаимодействие и физическая близость будут невозможны в том виде и в той степени, к которым политические партии привыкли.

²² Niblett Robin The End of Globalization as We Know It / How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic // Foreign Policy, March 20, 2020; Walt Stephen M. A World Less Open, Prosperous, and Free / How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic // Foreign Policy, March 20, 2020.

²³ Mallin Alexander and Josh Margolin Homeland Security warns terrorists may exploit Covid-19 Pandemic // ABC news. March 25, 2020/

В нескольких странах политические партии усиливают свое цифровое присутствие в онлайн-сфере. Это создает для них возможности подключиться к более широкой потенциальной аудитории или членской базе, особенно среди молодежи. От сильно оцифрованных политических партий в таких государствах, как Тайвань, до условий низкого проникновения Интернета в различных частях мира, партии обращаются к цифровой сфере для осуществления многих видов своей деятельности. Таким образом, цифровизация, очевидно, – это генеральный тренд развития политических партий по всему миру, и нынешняя пандемия, вероятно,кратно ускорит этот процесс. Молодые люди, как правило, предпочитают онлайн-инструменты и платформы, воспринимая их как более удобные для пользователя варианты участия в политике, по сравнению с устоявшимися или традиционными способами.

Хотя цифровизация может рассматриваться как естественный вариант для политических партий и политиков поддерживать взаимодействие со своими избирателями в условиях социального дистанцирования, однако, по разным причинам, таким как плохая коммуникационная инфраструктура или медленное и ненадежное интернет-соединение, не все имеют возможность активно принимать такие меры. В этих условиях, закономерно, сохраняются некоторые из нецифровых механизмов – наглядная агитация, раскладка материалов, использование теле- и радиоканалов и т.п., которые широко используются и могут быть восприняты политическими партиями для продолжения функционирования и активных действий во времена социального дистанцирования, когда вводятся ограничения на общественные собрания.

Итак, на деятельность политических партий, как социальных образований, изоляция и социальное дистанцирование окажут серьезное влияние. Будущее без массовых митингов, кампаний по домам или тесного физического контакта между партийными лидерами и избирательными округами – это будущее, которое потребует серьезной адаптации. Партии используют нецифровые инструменты в течение многих десятилетий, но социальное дистанцирование ускорит их стремление к интеграции в цифровое пространство и более широкому использованию диджитал-инструментов. Как минимум, кампании посредством SMS и FM-радио станут более заметными в будущем политических партий и, возможно, станут более притягательным пространством для политики в целом. Цифровые инструменты представляют собой решения для политических партий в странах с высоким уровнем проникновения Интернета или с высоким влиянием социальных сетей, как например, в Индии.

Более того, по мере того, как скорость адаптации к Интернету увеличивается во всем мире, цифровизация политики останется ключевой проблемой, даже после отмены мер социального дистанцирования. Однако цифровизация не может быть внедрена в политические партии без изменения некоторых базовых структур принятия решений, управления и даже финансирования партий. Как показывают различные примеры, политические партии добились успеха в применении цифровых инструментов, когда они были интегрированы в структурные изменения. Чтобы стать цифровой, партия должна принять новую форму организации и изменить свою структуру на такую, которая совместима с цифровой деятельностью, такой как онлайн-голосование и работа с гражданами.

Помимо адаптации партийных структур для перехода к цифровым технологиям, политические партии должны изучить оптимальное использование и возможности для расширения и охвата различных географических, социальных и возрастных групп, особенно молодежи. Практически везде именно молодежь наиболее активно присутствует в цифровом пространстве, но также является и группой, которая, как правило, меньше всего интересуется традиционной политикой.

Меры социального дистанцирования, в конечном итоге, будут отменены, но они, вероятно, будут оставаться в силе достаточно долго, чтобы изменить способ функционирования политических партий как внутри, так и за пределами страны. В то время как меры социального дистанцирования остаются в силе, политическим партиям необходимо будет продолжать изучать каналы, которые позволят им оставаться актуальными в социально-политической жизни без физического контакта. Эта адаптация будет иметь длительный эффект. Таким образом, для политических партий будет разумным пройти процесс адаптации со взглядами не на решение насущной проблемы, а на долгосрочное принятие новой нормы.

Политический процесс, выборы, демократия. Демократия, понимаемая как избирательная демократия, основанная на представительстве, на момент разразившейся пандемии COVID-19 была давно не на пике своего развития. Организация Freedom House, которая следила за глобальной демократией на протяжении десятилетий, сообщила в 2020 году, что демократия в мире приходит в упадок в течение 14-ти лет подряд, причем это снижение произошло во многих и самых разных частях мира, проявившись как в устоявшихся демократических системах, так и в более хрупких демократических странах. В Докладе о демократии за 2020 год, подготовленном Институтом V-Dem,

было установлено, что впервые за два десятилетия демократии больше не составляют большинство мировых политических режимов²⁴.

Продолжительность тенденции к упадку демократии является поводом для беспокойства, особенно перед лицом глобальной пандемии. Если автократия набирает силу, а демократия сдает свои позиции даже в старых и крепких демократических системах, как пандемия повлияет на, и без того неопределенное, будущее демократии? Вполне вероятно, что степень демократической консолидации будет иметь решающее значение для того, как демократии могут выдержать «пандемический шторм». Уместно предположить, что пандемия COVID-19 не будет иметь серьезных долгосрочных последствий для устоявшихся демократий, для которых характерно несколько десятилетий непрерывного демократического правления с действительно открытой борьбой за политическую власть. К этой категории относится большинство богатых индустриально развитых западных стран. Здесь же анализ позволяет оценить будущее демократии после COVID-19 с точки зрения непосредственного воздействия на нынешних лидеров демократического лагеря, и дать определенные выводы относительно долгосрочных последствий для демократических институтов и принципов.

Однако следует ожидать, что последствия пандемии COVID-19 могут серьезно усугубить ситуацию в странах, где демократия находится под давлением не только внешних обстоятельств, таких как пандемия коронавируса, но и внутренних факторов. Закономерен прогноз, что в ближайшей перспективе усугубление ситуации, связанной с противодействием пандемии COVID-19, может и далее повысить концентрацию власти в руках исполнительных органов в странах, где демократия и так отстывает. Тем не менее, автор предполагает, что долгосрочные экономические последствия пандемии могут подорвать власть действующих лиц в автократических режимах.

Что касается устоявшихся демократий, как предыдущие исследования, так и предварительный анализ воздействия COVID-19 предполагают три основных варианта возможного развития событий:

- 1) значительные, но кратковременные скачки популярности нынешних политических лидеров;
- 2) небольшие и позитивные, но мимолетные эффекты на такие отношения, как политическое доверие;

- 3) нулевое влияние на идентификацию партий или другие факторы, которые могут вызвать необратимые политические перестановки.

В общем, большая часть свидетельств указывает на эффекты, которые видны только на поверхности, но не в основах западных демократий. Необходимо также отметить, что устоявшиеся демократии и ранее подвергались различным испытаниям, но выдерживали их. Вместе с тем, демократии не были испытаны пандемиями или аналогичными событиями в современном политическом ландшафте, где общественным мнением можно манипулировать посредством эффективного распространения дезинформации и фейковых новостей. Действительно, многие наблюдатели охарактеризовали кризис COVID-19 как крупнейший кризис дезинформации, с которым современное глобализированное общество когда-либо сталкивалось.

В то же время, кризис все еще продолжается, поэтому мы не знаем, как общественность в конечном итоге оценит качество демократической реакции на вызовы пандемии со стороны своих правительств. Поэтому не кажется маловероятным, что серьезные провалы в политике могут ощутимо негативно повлиять на восприятие населением демократических институтов. Более того, даже если общественное мнение и модели голосования останутся в основном стабильными, COVID-19 может иметь серьезные последствия для формирования политики в будущем. Не только вероятно, но и, по мнению автора, очевидно, что старые демократии будут уделять больше внимания вопросам общественного здравоохранения, что приведет к трансформации традиционных демократических процессов. Как уже показывают результаты, полученные в Испании, в долгосрочной перспективе может произойти, что эксперты по здравоохранению приобретут более сильный голос при разработке политики, а это позволит представительной демократии стать на ступеньку ближе к более технократической модели демократии.

Что касается последствий пандемии COVID-19 для демократий, уже переживающих откат, очевидно, что насущные и долгосрочные последствия, будут эволюционировать. Чрезвычайные меры, связанные с пандемией COVID-19, могут предоставить автократическим властям дополнительные инструменты для устранения ограничений их правления в краткосрочной перспективе. Тем не менее, прогнозируемые экономические последствия могут серьезно затруднить «легитимность результатов дея-

²⁴ Lührmann A., Amanda B. Edgell and Seraphine F. Maerz. Pandemic Backsliding: Does Covid-19 Put Democracy at Risk? University of Gothenburg, Varieties of Democracy Institute: V-Dem Policy Brief No. 23, 2020. 46 p.

тельности» и распределение экономических выгод, на которых частично зиждется популярность этих режимов на выборах. Следовательно, для избираемых авторитарных режимов долгосрочное воздействие COVID-19 может быть очень негативным.

Выводы

Подводя итоги, следует констатировать, что «вне-медикобиологическое», то есть экономическое, социальное и политическое воздействие пандемии на нашу жизнь оказалось огромно. Оно простирается от пересмотра социальных взаимодействий до угроз некоторым демократическим государствам. Какие же изменения останутся с нами после COVID-19?

Очевидно, что мировая экономика увидит всестороннее повышение требований к технологической квалификации работников, что будет обусловлено демографией и глобализацией, которые в условиях пандемии вынуждены будут трансформироваться. Многие процессы, такие как снижение трансграничной мобильности, которая для западных обществ была привычным явлением практически с 60-х годов XX века, социальное дистанцирование и самоизоляция, меняют способ работы огромных масс людей и влияют на относительную важность навыков на рынке труда. Опыт анализа Великой рецессии предполагает, что текущий кризис COVID-19 может ускорить эти изменения, повышая требования к реализации трудовых навыков удаленно, без пересечения границ.

Другим фактором объективно станет ускорение внедрения дистанционных онлайн-технологий и, следовательно, трансформация спроса на профессиональные навыки. Следует ожидать, что профилирование навыков и обучение взрослых станут еще более важными, чтобы помочь безработным переqualificироваться на специальности, которые будут пользоваться большим спросом в период после COVID-19. В таких условиях онлайн-обучение приобретет распространение, сравнимое с распространением заочного обучения во второй половине XX века. Безусловно, оно широко использовалось и до кризиса, для завершения текущего обучения или для заполнения периодов бездействия по схемам краткосрочной работы, но теперь следует ожидать его интеграции в существовавший более широкий образовательный контекст [24].

Поскольку социально-экономические характеристики актуальной ситуации показывают, что пандемия приведет к крайней нищете десятки, если не сотни миллионов людей по всему миру, остро потребуются инновационные и локализованные решения, чтобы помочь наиболее уязвимым и изо-

лированным группам. В сложившихся условиях необходимо искать способы для отдельных лиц и компаний решать проблемы либо без прибыли, либо сочетая прибыльные цели с пользой для общества на основе практик социального предпринимательства. Здесь заинтересованные акторы смогут найти свой путь в новые и развивающиеся отрасли (здравоохранение, транспорт и логистика, промышленность и энергетика), обеспечить новые рабочие места (уход за пожилыми людьми, сбор мусора, службы доставки) и новые бизнес-модели (удаленная работа, неполный рабочий день, почасовая работа, инсорсинг, децентрализация). Наконец, пандемия показала, что мы должны сосредоточить внимание на предотвращении, а не на смягчении последствий. Такие формы, интегрирующие в себе экономические и социальные практики жизненно важны для создания устойчивого социально-экономического развития.

В свою очередь, в социальном плане современную цивилизацию ожидает повышение уровня общественного сотрудничества, его активизация. Несмотря на кажущуюся парадоксальность этого утверждения, которое, видимо, можно оспорить, апеллируя к тому, что ответом на пандемию было закрытие национальных границ и введение мер изоляции, единственный способ вернуться к нормальной жизни и защитить себя от будущих угроз – это сотрудничать и делиться информацией. Коронавирус ясно показал, к каким драматическим изменениям может привести одно локальное нарушение. Апокалиптические сцены из далекого Уханя быстро стали реальностью для почти 4-х миллиардов человек. Глубокое чувство взаимосвязанности и взаимозависимости между людьми усиливается не только по отношению к другим странам и обществам, но и в том, как мы взаимодействуем с природой и с планетой как целостным организмом.

В таких условиях, закономерно будет необходимо переосмыслить социальное взаимодействие. Насколько изменится наше неформальное повседневное общение? В определенной степени мы должны пройти процесс «разучивания» новых привычек, которые, взамен старых, должны будут стать частью нашей социальной ткани. В разных культурах такие изменения будут проходить неодинаково. В то же время, столь широкие и глубокие социальные трансформации потребуют поставить на новый уровень систему их мониторинга и оценки. Существующие системы мониторинга и оценки ориентированы на целесообразность социальных мер и помощь в адаптации к актуальным условиям инициатив, проектов, программ и т.д. В изменившихся реалиях после COVID-19 на первый план выйдут вопросы отслеживания трансформаций и

протекания преобразований, призванные помочь нам понять, как меняются наши социальные ценности, и только потом – какие меры лучше всего соответствуют этим измененным ценностям.

Рассматривая политические контуры новой нормальности, которая возникнет в постпандемическую эру, необходимо отметить, что первым ее требованием будет выступать системность. Кризис COVID-19 сотряс институты и системы управления, которые были созданы в XVIII веке. Они вынуждены функционировать в то время, когда подобные кризисы не только более вероятны, но и будут более частыми, поскольку мир вошел в «эпоху непрекращающихся потрясений». Это потребует от государственных органов целенаправленного прогнозирования и реагирования на системные риски, а не на конкретные угрозы. Такой подход, закономерно, потребует перейти от поддержки отдельного проекта или программы, направленной на решение конкретных проблем, к портфелю или сети инновационных проектов, которые отличаются взаимообучаемостью и вместе ускоряют позитивные системные изменения.

В то же время нельзя не отметить, что кризисные явления, на которые более эффективноотреагировали авторитарные общества и полуавторитарные режимы, вызвали к жизни замаскированные, а иногда и вовсе не прикрытые нападки на демократию. Многие аналитики считают, что наибольшее беспокойство вызывает политическое воздействие кризиса COVID-19, поскольку несколько стран ввели «резкие меры, которые влекут за собой дальнейшую эрозию демократии» [25]. Исполнительная власть взяла на себя верховенство в принятии решений, в то время как роль парламентов была подавлена, а участие граждан отсутствовало из-за полного закрытия гражданских пространств и ограничения основных свобод. Есть опасения, что власти запрещают публичные собрания дольше, чем это необходимо, и что временные ограничительные меры могут стать постоянными. Следовательно, этот кризис несет в себе значительные риски дальнейшего укрепления авторитарных режимов и отступления от демократии. В таких условиях становится все более важной роль гражданского общества. Именно оно будет призвано встать на защиту демократического пространства и обеспечения прозрачности политических решений, включая надзорную роль в отслеживании расходов на коронавирус. Вместе с тем, кризис также открывает новые возможности – в использовании цифровых пространств для гражданского участия и подотчетности.

Каждый кризис – это, несомненно, возможность.

Список литературы

1. *Bates C.G.* The Early Republic and Antebellum America: An Encyclopedia of Social, Political, Cultural, and Economic History. NY: Routledge, 2010. 1400 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315699950>
2. *Ialenti V.* Deep Time Reckoning: How Future Thinking Can Help Earth Now. Mass.: MIT Press, 2020. 208 p.
3. *Rescher N.* Predicting the future: An introduction to the theory of forecasting. 3rd ed. State University of New York Press, 2017. 332 p.
4. *Diebold F.X.* Elements of Forecasting 7th ed. Cincinnati, OH: South-Western College Publishing, 2017. 392 p.
5. *Friedman W.A.* Fortune Tellers: The Story of America's First Economic Forecasters. Princeton and Oxford, NJ: Princeton University Press, 2014. 273 p.
6. *Handbook of Economic Forecasting.* 2nd ed. North-Holland: Elsevier, 2018. 1070 p.
7. *Carnot N., Koen V., Tissot B.* Economic Forecasting and Policy. 2nd ed. Palgrave Macmillan, 2017. 416 p.
8. *De Mesquita B.B.* A New Model for Predicting Policy Choices: Preliminary Tests // Conflict Management and Peace Science. 2011. Vol. 28. № 1. P. 65–87. DOI: [10.1177/0738894210388127](https://doi.org/10.1177/0738894210388127)
9. *Papic M.* Geopolitical Alpha: An Investment Framework for Predicting the Future. Wiley, 2020. 304 p.
10. *Tetlock Ph.E., Gardner D.* Superforecasting: The Art and Science of Prediction. Crown, 2016. 352 p.
11. *Collier P.* The Future of Capitalism: Facing the New Anxieties. Harper, 2018. 256 p.
12. *Siegel E.* Predictive Analytics. Wiley, 2016. 368 p.
13. *Post-Anthropocentric Social Work.* Ed. by *Bozalek V., Pease B.* 1st ed. Routledge, 2020. 258 p.
14. *Field B.G.* Forecasting Techniques for Urban and Regional Planning. Ed. by *Macgregor B.D.* Routledge, 2018. 240 p.
15. *Developments in Demographic Forecasting.* Ed. by *Mazzucco S., Keilman N.* Springer. 2020. 389 p.
16. *Lewis M.* The Premonition: A Pandemic Story. W.W. Norton&Company, 2021. 320 p.
17. *Pandemics, Politics, and Society Critical Perspectives on the COVID-19 Crisis.* Ed. by *Delanty G.* De Gruyter, 2021. 270 p.
18. *Labour mobility and skills in response, recovery and post COVID-19 pandemic.* Ann. rep. IOM. Brussels, Belgium, 2021. 46 p.
19. *Последствия и вызовы пандемии коронавируса для технологического и социально-экономического развития общества / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева.* Ярославль: изд-во ЯГТУ, 2020. 632 с.
20. *Яковлев М.И.* 17 лет в Китае. М.: Политиздат, 1981. 320 с.

21. Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11(415). С. 40–53. DOI: 10.31857/S013216250002784-5. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36518159>
22. Klinenberg E. Heat Wave. A social autopsy of disaster in Chicago. University of Chicago Press, 2015. 320 p.
23. Bauman Z. Sociology after the Holocaust // British Journal of Sociology. 1988. Vol. 39. № 4. P. 469–497. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=8572206>
24. Machekhina O.N. Digitalization of education as a trend of its modernization and reforming // Espacios. 2017. Vol. 38. № 40. P. 26–30. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=31117389>
25. Караганов С.А. Очистительный кризис? // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 1(107), С. 10–20. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44830566>

Поступила 17.05.2021; одобрена после рецензирования 10.06.2021; принята к публикации 11.06.2021

Об авторе:

Курюкин Андрей Николаевич, старший научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5), Москва, Российская Федерация, кандидат политических наук, ORCID: 0000-0002-9572-3070, Researcher ID: I-4461-2018, kuriukin@inbox.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Bates C. The Early Republic and Antebellum America: An Encyclopedia of Social, Political, Cultural, and Economic History. NY: Routledge, 2010. 1400 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315699950> (In Eng.)
2. Ialenti V. Deep Time Reckoning: How Future Thinking Can Help Earth Now. Mass.: MIT press, 2020. 208 p. (In Eng.)
3. Rescher N. Predicting the future: An introduction to the theory of forecasting. 3rd ed. State University of New York Press, 2017. 332 p. (In Eng.)
4. Diebold F.X. Elements of Forecasting 7th ed. Cincinnati, OH: South-Western College Publishing. 2017. 392 p. (In Eng.)
5. Friedman W.A. Fortune Tellers: The Story of America's First Economic Forecasters. Princeton and Oxford, NJ: Princeton University Press, 2014. 273 p. (In Eng.)
6. Handbook of Economic Forecasting. 2nd ed. North-Holland: Elsevier, 2018. 1070 p. (In Eng.)
7. Carnot N., Koen V., Tissot B. Economic Forecasting and Policy. 2nd ed. Palgrave Macmillan, 2017. 416 p. (In Eng.)
8. De Mesquita B.B. A New Model for Predicting Policy Choices: Preliminary Tests. *Conflict Management and Peace Science*. 2011; 28(1):65–87. DOI: 10.1177/0738894210388127 (In Eng.)
9. Papic M. Geopolitical Alpha: An Investment Framework for Predicting the Future. Wiley, 2020. 304 p. (In Eng.)
10. Tetlock Ph.E., Gardner D. Superforecasting: The Art and Science of Prediction. Crown, 2016. 352 p. (In Eng.)
11. Collier Paul The Future of Capitalism: Facing the New Anxieties. Harper, 2018. 256 p. (In Eng.)
12. Siegel Eric Predictive Analytics. Wiley, 2016. 368 p. (In Eng.)
13. Post-Anthropocentric Social Work. Ed. by Bozalek V., Pease B. 1st ed. Routledge, 2020. 258 p. (In Eng.)
14. Field B.G. Forecasting Techniques for Urban and Regional Planning. Ed. by Macgregor B.D. Routledge, 2018. 240 p. (In Eng.)
15. Developments in Demographic Forecasting. Ed. by Mazzucco S., Keilman N. Springer. 2020. 389 p. (In Eng.)
16. Lewis M. The Premonition: A Pandemic Story. W.W. Norton&Company, 2021. 320 p. (In Eng.)
17. Pandemics, Politics, and Society Critical Perspectives on the COVID-19 Crisis. Ed. by Delanty G. De Gruyter, 2021. 270 p. (In Eng.)
18. Labour mobility and skills in response, recovery and post COVID-19 pandemic. Ann. rep. IOM, Brussels, Belgium, 2021. 46 p. (In Eng.)
19. Consequences and challenges of the coronavirus pandemic for the technological and socio-economic development of society / under total. ed. Ph.D. S.V. Shkiotova, Doctor of Economics V.A. Gordeeva. Yaroslavl: YaGTU Publishing House, 2020. 632 p. (In Russ.)
20. Yakovlev M.I. 17 years in China. Moscow: Politizdat, 1981. 320 p. (In Russ.)
21. Petukhov V.V. Dynamics of social sentiments of Russians and the formation of a demand for change.

- Sociological Research*. 2018; (11(415)):40–53. DOI: 10.31857/S013216250002784-5 (In Russ.)
22. Klinenberg E. Heat Wave. A social autopsy of disaster in Chicago. University of Chicago Press, 2015. 320 p. (In Eng.)
23. Bauman Z. Sociology after the Holocaust. *British Journal of Sociology*. 1988; 39(4):469–497 (In Eng.)
24. Machekhina. O.N. Digitalization of education as a trend of its modernization and reforming. *Espacios*. 2017; 38(40):26–30 (In Eng.)
25. Karaganov S.A. A Cleansing Crisis? *Russia in Global Affairs*. 2021; 19(1):32–42. DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-1-32-42. URL; <https://elibrary.ru/item.asp?id=46070549> (In Eng.)

Submitted 17.05.2021; approved after reviewing 10.06.2021; accepted for publication 11.06.2021

About the author:

Andrey N. Kuriukin, Senior Researcher of Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, Krzhizhanovskogo st., 24/35, korpus 5, 117218, Moscow), Moscow, Russian Federation, Candidate of Political Sciences, **ORCID: 0000-0002-9572-3070**, **Researcher ID: I-4461-2018**, kuriukin@inbox.ru

The author read and approved the final version of the manuscript.

